

ALEXEI LYUBOMUDROV

ЗВЕЗДА, СВАСТИКА, КРЕСТ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ БОРИСА ШИРЯЕВА

Борис Николаевич Ширяев (1889-1959) известен прежде всего как автор книги *Неугасимая лампада* (1954), посвященной первому советскому концлагерю – Соловецкой каторге. От других образцов лагерной прозы книгу Ширяева отличает то, что написана она верующим человеком и пронизана православным мировоззрением. Автор ищет среди узников подвижников, являющих стойкость духа. Политическим идеалом писателя является «народная монархия», а духовным – православная Святая Русь.

Христианская традиция присутствует и в других, менее известных произведениях Ширяева. Ему принадлежит цикл повестей, которые он планировал объединить в эпопею под названием *Птань*. В трех повестях – *Овечья лужа* (1952), *Кудеяров дуб* (1958) и *Хорунжий Вакуленко* (1959, не окончена) действие происходит в годы Второй мировой войны. Ширяев обращается к жизни народа на оккупированных немцами территориях. При этом христианская вера и политический антибольшевизм соединяются у писателя неразрывно.

АЛЕКСЕЙ МАРКОВИЧ ЛЮБОМУДРОВ, доктор филологических наук – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе нового времени; e-mail: Alex3779@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>.

ALEKSEI MARKOVICH LYUBOMUDROV, Doctor of Philology – Institute of Russian Literature (Pushkin House) at the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Traditionalist Trends in Modern Russian Literature; e-mail: Alex3779@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>.

ALEXEI MARKOVICH LYUBOMUDROV, doktor filologii – Instytut Literatury Rosyjskiej (Dom Puszkina) Rosyjskiej Akademii Nauk, Centrum Badań nad Tendencjami Tradycjonalistycznymi we Współczesnej Literaturze Rosyjskiej; e-mail: Alex3779@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>.

Задача настоящей работы – рассмотреть нравственные коллизии военной прозы писателя, исследовать конфликт между христианской моралью, патриотизмом и богоборческим тоталитарным государством, прояснить мотивацию героев и сделанного ими ценностного выбора, проанализировать сюжетные линии, связанные с болевыми точками истории (коллаборционизм, партизанское движение, подпольные организации), а также определить художественное мировоззрение Ширяева, специфику его «русского христианства» в контексте евангельского вероучения.

Теоретико-методологической основой исследования послужила совокупность историко-генетического, компаративно-типологического, системно-структурного методов с привлечением социологического и биографического подходов к изучаемому материалу.

Борис Ширяев принадлежит к плеяде эмигрантов второй волны, переживших репрессии и ссылки, в чьем творчестве появились новые для русской литературы темы: лагеря, жестокие коллизии войны, немецкий плен, выбор между коммунизмом и нацизмом. Это *Мнимые величины* Н. Нарокова, *Предатель* Р. Редлиха, *Кресты и перекрестки* Б. Филиппова, *Две строчки времени* Л. Ржевского, *Соловецкие острова* Г. Андреева, *Соловецкие фактории* М. Розанова и другие.

Писатели 'второй волны' обогатили литературу рассказом о жизни родины, – полагает В.В. Агеносов – (...) Героями своих книг они делали людей, в силу тех или иных причин не нашедших места в советской жизни: интеллигентов, не принимавших жестокостей тоталитарного режима; крестьян, разочаровавшихся в колхозной действительности; репрессированных в разные годы рядовых граждан России. Эпоха, воспринимаемая почти всеми советскими писателями как исключительно героическая, под их пером становилась трагической. (Agenosov 142)

Преодолевая идеологическую зашоренность, многие герои этих книг обретали христианское мировоззрение.

Значительная часть эмигрантов были убеждены: СССР – враг России. Горькая правда истории заключается в том, что в начале войны были русские люди, готовые в борьбе с таким врагом опереться на немцев. Знание этой правды, не всегда укладывающейся в официальный канон, не может умалить ни святости жертв, ни высоты подвигов, но позволяет глубже почувствовать трагизм и противоречивость эпохи. Конфликт между христианской моралью, патриотизмом и богоборческим тоталитарным государством выпукло обозначен в повестях Бориса Ширяева.

Исторические источники говорят о том, что не все население встречало немцев как захватчиков. Настроение некоторых можно охарактеризовать как выжидательно-настороженное, были и такие, кто видел в гитлеровцах освободителей от большевизма. Крестьянство, лишенное имущества и загнанное в колхозы, помнило и голод, и насильственную коллективизацию. На оккупированной немцами территории оказалось 70 миллионов советских людей. Здесь были завязаны сложные узлы человеческих взаимоотношений, здесь все, от мала до велика, оказались в ситуации выбора и должны были понять, что велит совесть, разобраться, где правда, а где ее видимость. Измена и долг, эгоизм и жертвенность, любовь и ненависть боролись в недрах души каждого человека. Иногда бремя этих вопросов оказывалось непосильным. Одним из первых в советской литературе коснулся этой темы Василь Быков. Его герои оказываются в ситуации, когда остаться человеком можно, лишь пойдя на смерть. Так происходит в повести *Сотников* (и в снятом по книге фильме Л. Шепитько *Восхождение*, где акцентирован христианский подтекст сюжета). Но есть у писателя и ситуации, когда даже героической смертью невозможно оправдаться перед людьми (*Облава*, *В тумане*, *Стужа*), – последний и справедливый суд над душой будет вершиться вне пределов земного существования.

Есть профессии, требующие от человека исполнения долга независимо от обстоятельств. Это священник, учитель, врач. Их обязанность – спасать души, воспитывать детей, исцелять болящих. Отказаться от своей профессии в оккупации, сбежать – значило спасти себя, но изменить долгу и действительно *предать* своих учеников, своих больных, свою паству. Эти люди, работая под немцами, обрекали себя на жизнь с клеймом «фашистских приспешников», рисковали получить пулю от подпольщиков. Особенно драматичен был выбор священников: они шли служить в открытые при немцах храмы, ясно сознавая, что в случае возвращения красных пощады им не будет. Не все и дожили до этого: в одной только Белоруссии «за годы оккупации партизанами были убиты 42 православных священника» (Silova 73). В России эта проблематика, кровоточащая, тяжелая, болевая, постепенно приходит на страницы художественных книг и на экран. По роману А. Сегеня *Поп* (2007) снята одноименная картина (2010), вышли кинофильмы *Свои* (2004), *Переводчик* (2013), *Я – учитель* (2015). За столетия до появления таких произведений эту тему начал разрабатывать Борис Ширяев.

Время действия в *Овечьей луже* – 1942 год, когда армейские части, занимая территорию, не совершали еще тех зверств, которые творили прихо-

дящие за ними власти гражданские или эсесовцы. Описывая, как прозябавший при большевиках край постепенно возрождается, Ширяев не грешит против исторических фактов. Известный поэт Игорь Николаевич Григорьев, героический участник партизанского движения, в своих воспоминаниях признавал:

Немцы вернули крестьянам землю. И всего за два года, без всякой техники, бабы да старики ухитрились произвести столько хлеба, что его хватило и для налога, и для прокорма партизанской многотысячной братии, и для себя, и для товарообмена, и осталось даже для пожаловавших на отвоеванную землю колхозов (хотя возвращения колхозов крестьяне боялись). (Grigor'ev 369).

Сюжет этой повести драматичен, чего стоит одна только цепочка убийств: партизан Линь убивает ни в чем не повинную крестьянку, пригнанную немцами на работу, за это командир отряда Груздев казнит Линя; самого Груздева предает связанный с партизанами староста Василий, свою вину он перекладывает на комсомолку Нину, которую он же и убивает; в отместку Василия расстреливает (на глазах его отца) Аким; позднее Акима казнят красные. Материала повести хватит на остросюжетный сериал. Но это внешняя канва. Идеи книги значительно глубже.

Главная ценность для автора, его идеал – русский человек, самостоятельный и освобожденный от идеологического насилия. Народу, измученному социальными экспериментами, строительством «новой жизни», нужно только одно, и об этом прямо говорят крестьяне: «дайте людям самим жить... Только и всего. По-божески» (Shiryayev, *Kudayarov dub* 347). По большому счету для крестьян «не нашими» являются и советские, и гитлеровцы: «Что немец, что партийный – народу это одинаково. Нам немецкой барщины не надо, от своей тошно» (378). Иван Вьюга, сквозной герой хроники *Птань*, решает сражаться сразу с двумя силами: «По своему, по народному руслу пойдём... На обе стороны крыть будем! Самое время теперь!» (361).

Нужно подчеркнуть, что в этой повести нет тенденции представить немцев позитивной силой. Персонажи рассуждают о том, что надо «с умом» использовать и немцев, и советских, но временно и лишь затем, чтобы построить свое «мужицкое царство». Надежды эти утопичны и быстро рушатся. Но если не удастся осуществить самостояние народа, то остается возможность для самостояния отдельного человека. И часто, чтобы сохранить верность ценностям надличным, приходится идти на страдания и смерть. Носитель этого сознания, в своих истоках глубоко христианского, – священник Иван. Чудом избежавший расстрела, он ходит по селам

и весям, крестит, венчает, исповедует тех, кого вскоре ему же предстоит отпеть и проводить их души в небесные обители. Он – хранитель той самой «неугасимой лампы» веры.

История *воскресения русской души*, сокровенная идея всего творчества Ширяева, связана в повести с образом Нины. Внучка Масловского барина, ныне сирота, комсомолка, с веселым и гордым нравом, – девушка чистая, поначалу наивная, но способная на жертву. Это привычный для русской литературы образ, можно вспомнить многих ее литературных сестер, от героини тургеневского *Порога* до партизанки Вали из военной драмы К. Симонова *Русские люди*. Наблюдая происходящее, она вынуждена признать, что немцы гуманнее большевиков, разорвавших крестьян. Но внутренне принять эту мысль не может: «гнусно все это, гнусно». Непросто ей избавиться от партийных идеологем и комсомольских клише. К подлинным ценностям приходит она через открывшуюся красоту родной природы, ожившее чувство почвы (важный мотив повести), через общение с простыми совестливыми и верующими людьми. Снова и снова Ширяев возвращается к заветной теме: спадает захватившей Русь большевицкий морок, воскресает русский человек, впервые вздохнувший чистого воздуха свободы. Символом этого воскресения служит хлеб, настоящий, из русской печи, не чета городским суррогатам. Живительные токи идут от почвы: «именно снизу ощущал Брянцев... грузный, стихийный, непреодолимо нарастающий напор. Снизу. От земли» (*Kudeyarov dub* 439).

Главное духовное событие в повести – постройка часовни и начало богослужений. Отец Иван, уцелевший от репрессий, преображается. Воскресает душой и Нина – к ней приходит ощущение полноты и красоты Божьего мира, а затем, пройдя через сомнения, колебания, она обретает веру, принимает крещение, становясь непостижимым русским феноменом – «православной комсомолкой». Но в условиях беспощадной войны долго соединять несоединимое не получается: Нина обречена на гибель...

Узел трагических нравственных коллизий связан с темой партизанского движения. Советские партизаны, как и комиссары, политруки, коммунисты представлены в повести врагами русского народа, они совершают диверсии не столько против захватчиков, сколько против своего же мирного населения: сожгли зерно, угнали корову, лишив пропитания беспомощную старуху с внуком. Ширяев пишет о таких партизанских акциях, о которых беллетристика предпочитала не говорить: жестокие расправы с жителями, лояльными к немцам, провоцирование гитлеровцев на репрессии, чтобы вызвать к ним ответную вражду местного населения. Лишь много лет спустя после

Ширяева отечественная литература осторожно прикоснулась к этим коллизиям. О жестокой правде войны, когда люди для иных командиров становились расходным материалом, о нравственном противостоянии внутри самих партизан, о разном отношении к землякам, оставшимся в оккупации, писали В. Быков и В. Астафьев; в романе Льва Малякова *Страдальцы* (1997) деревенским людям приходится выносить давление как со стороны гитлеровцев, так и со стороны партизан, особистов, гепеушников.

Однако своих идейных врагов Ширяев рисует не одними черными мазками. Партизаны у него разные. Бездушен сержант Линь, который убивает своих, чтобы, согласно директиве, предотвратить «сближение населения с оккупантами». С симпатией изображен капитан Груздев, который яростно спорит с Линем: ведь гибнут «русские люди, браток! Наши!» В партизанах оказывается и Ванька-Вьюга, но он хочет создать независимый ни от кого самостоятельный русский отряд. Самым омерзительным типажом предстает староста. Это предатель в полном смысле слова: согласившись занять эту должность, чтобы якобы тайно помогать партизанам, он выдает немцам своего командира.

Трагедия народа, бездна страдания, братоубийство, неразрешимые в земном мире нравственные коллизии – все это напоминает мир *Тихого Дона*. В эпопее Шолохова предстает трагедия человека в мире, где нет земной правды («неправильный у жизни ход»). Но нет в этом мире и Всевышнего, и символом того, вольно или невольно, стал знаменитый образ – черный диск солнца. Единственная ценность для Григория Мелехова – свой род. У героев Ширяева есть Бог. Для одних – изначально, другие обретают веру в ходе действия повести. Христианская философия выражена в словах старика Акима: «Смутное теперь время. Кто враг, кто друг – неизвестно. Только вот в церковь напрасно свои дела тащите. Невинные пострадать могут. Но и в этом большой беды нет. Кому пострадать назначено, тот креста своего не избежит» (*Kudeyarov dub* 357). Восхождение на крест, своя Голгофа ждет многих персонажей повести.

Овечья лужа – лучшее произведение цикла *Птань*. В ней открывается подлинный трагизм русской истории и русского мира, при этом оценки происходящих событий далеки от однолинейности. Меняются взгляды героев на историю, на советскую действительность. Некогда безжалостно убивавший «попов», капитан перед смертью призывает священника; на пороге вечности коммунист становится христианином, уподобляясь Разбойнику Благоразумному.

Проявился здесь и художественный дар Ширяева. В повести есть простор родного пейзажа и простор родной истории. Присутствуют емкие образы-символы (Нину сопровождают солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь листву), древняя мифологема реки, означающая течение времени и вечность (по мерцающему золотыми отблесками потоку героине суждено уплыть в жизнь вечную), по-шолоховски сильные значимые детали: смертельно раненый, упавший лицом вниз капитан «словно целовал обмороженную жесткую землю».

Следующая повесть, *Кудеяров дуб*, отражает тот же отрезок войны – наступление на Северный Кавказ армии генерала фон Клейста и период немецкой оккупации, только действие происходит большей частью в городе (в нем угадывается Ставрополь). Как и все творчество Ширяева, повесть имеет документальную основу. «Альтер эго» автора – учитель Брянцев, интеллигент, ветеран Первой мировой и Гражданской (в рядах Белой армии) войн. Он спасается от голода и от внимания органов НКВД в сельском районе, служа сторожем, а с приходом немцев становится редактором русской газеты.

Нравственно-религиозная проблематика этой повести включает коллизии более сложные, чем в *Овечьей луже*. Христианская идея сопрягается с идеей «священной мести», а порой и подменяется ей. Иной предстает и архитектура повести: гамма ее черно-белая, положительные персонажи и их антиподы разведены по полюсам, художественная многомерность сжимается до плоскости публицистического письма. Сильная сцена – вход гитлеровцев в областной город: паника, растерянность властей, бессильные попытки командиров удержать бегущих с передовой мужиков, уничтожение партбилетов, переодевание в гражданскую одежду. Эмоционально окрашена зловещая атмосфера нашествия. Читатель ожидает драматических событий, но в оккупированном городе воцаряются... мир и благоденствие. Жители бодро идут к бургомистру записываться на работу. Настоящими врагами оказываются лишь советские диверсанты. Редкие публичные казни на городской площади вызывают одобрение – ведь вешают уголовников-убийц. Русские пленные, жалея голодного немецкого конвоира, делятся с ним продуктами. Немецкие начальники – милые люди, и местные интеллигенты ведут с ними беседы на философские и политические темы. Настоящий ужас придет в город при известиях о возвращении красных и неизбежных репрессиях.

Эти напоминающие трагифарс страницы нельзя, однако, назвать клеветой или фальсификацией истории. Ширяев писал о том, чему был свидетелем. Известно, что идейный коллаборционизм был особенно силен на юге

России и Северном Кавказе: тамошние казаки не забыли большевистский геноцид. Но тенденциозность автора очевидна. Всеми средствами он стремится показать, как возрождается жизнь города с приходом немцев: вновь, как до революции, появилась возможность заработать, заняться частным ремеслом, получить свой надел земли, обрести минимальный достаток – «Люди уже начали говорить свободно, не боясь слежки и доносов, а начав, ощутили всю радость свободного слова, свободной мысли» (Shiryayev, *Kudeyarov dub* 565). В повести не поднимается вопрос, который, однако, неизбежно возникает у читателя: *какова цена* этой вполне сытой и спокойной жизни? А она – ни много ни мало – отдание своей земли чужому. Автор игнорирует исторический опыт России – страны, никогда не соглашавшейся на сносную жизнь под ярмом иноземца.

Возглас одного из персонажей *Кудеярова дуба* – «Жить я хочу! Просто жить!» – нередко звучит в произведениях о войне. Он отражает простое и естественное желание человека сохранить данный ему дар жизни. Но есть обстоятельства, когда этими словами оправдывается измена надличностным ценностям. Так поступает Рыбак в *Сотникове* Василя Быкова, таков герой повести В. Распутина *Живи и помни*, ставший дезертиром. Война зачастую ставит перед человеком бескомпромиссный выбор, последствия которого названы в Евангелии: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее...» (Мф. 16:25).

Персонажами *Кудеярова дуба* движет не столько *боль* за свою страну и за свой народ, сколько *ненависть* к режиму и всем, кто к нему так или иначе причастен. Студент Миша Вакуленко становится пропагандистом немецкого «нового порядка» и заявляет: «Наш враг нам очень хорошо известен. А кто против него, тот выходит нам другом» (466). И снова не возникает вопрос: а всякого ли «врага врагов» допустимо делать другом? Если в *Овечьей луже* персонажи из народа призывали «чуму на оба дома», имея в виду советы и фашизм, то в *Кудеяровом дубе* проклятий удостаивается лишь власть советская. Гитлеровская Германия – как часто звучит в беседах – полезна, ибо бьет Сталина: «Пока же, кроме немцев, нет силы, которая смогла бы сломить советчину» (528).

Ширяев писал свои повести спустя несколько лет после того, как нацизм был разгромлен, а коллаборанты осуждены мировым сообществом. Но он не делает попыток ни подкорректировать поступки своих героев, ни дистанцироваться от их взглядов. Эта откровенность важна для понимания подлинной правды истории и ставит книги Ширяева в ряд художественно-документальных повествований о военной эпохе. Ширяев не камуфлирует, но без-

жалостно обнажает и заостряет взгляды своих героев, выставляя их и на суд читателя, и на суд истории. Однако размышления о русской идее, о строительстве русского независимого государства, которым предается Брянцев, выглядят утопично и в сюжете повести отходят на второй план. Поступками персонажей движет не столько «русская идея», сколько желание поквитаться с теми, кто мучил и истязал народ во все послереволюционные годы, и заняты они не строительством крестьянской монархии, но истреблением остатков большевизма.

Мотив «святой мести» – центральный нравственно-философский посыл повести. Он связан с фольклорной легендой о разбойнике Кудеяре – в том ее варианте, который несет страшный и глубоко антихристианский смысл (именно этот вариант переложен на стихи Н.А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»): грешник Кудеяр получает прощение не смирением и покаянием, а убийством насильника, которое представлено как благородный и даже богоугодный акт. Говоря о подмене христианского понимания «подвига» в этом сюжете, В.И. Мельник справедливо утверждает:

Некрасова не интересует истина Церкви, он наполняет евангельскую модель спасения грешника актуальным революционно-демократическим содержанием, разрешая «убийство по совести», вступая в открытую полемику с Ф.М. Достоевским. (Mel'nik)

И в рассуждениях персонажей ширяевской повести не случайно возникает имя Раскольниковца, автора теории «крови по совести». Такая идеология, напомним, неизбежно вела народолюбцев к террору.

Брянцев ее полностью разделяет: «Преодоление зла злом. Жертвенность личным грехом, своей душой, ее спасением ради устранения зла, причиняемого другим людям» (Shiryayev, *Kudeyarov dub* 518). И полагает, что это наше, народное понимание православия, а не «византийское казуистическое христианство». Но разве не казуистична фраза «жертвовать личным грехом»? Прибегнуть к злу для высокой цели, творить грех ради добра, эстетизировать силу, что «хочет зла, но совершает благо» – этот соблазн не раз захватывал литературу XX века. Можно было бы предположить, что Ширяев имеет в виду реализацию этой нравственной максимы в сотрудничестве с фашистами. Но это не так. Ведь нацизм здесь никем и не рассматривается как зло. Он лишь создает благоприятные условия для окончательной расправы с коллективным злодеем – советами. Речь идет о «святом грехе», кровопролитии ради правды.

В городе (втайне от немцев) действует молодежная подпольная организация, которая занята борьбой с подпольем красным, являясь таким образом зеркальной противоположностью *Молодой гвардии*. В повести описана одна из успешных акций группы – ее члены выслеживают и истребляют радистов советской радиостанции. Один из героев, Броницын, оправдывает расправу над связистом: «Нет, и не русский он и не товарищ мне, раз комсомолец. Он враг не только мой, но моей родины, моего Бога, моего мира» (521). Характерно, что Броницын вдохновлен идеями Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, которые он понимает так: «в грешный, полный зла мир иди, борись в нем с этим злом... освободи от него людей... тогда послужи Богу» (521). И, обагрив руки кровью, Григорий Броницын считает себя не палачом, но жертвой. Чтобы оправдать правоту его слов, Ширяев нарочито заставляет юношу тут же погибнуть от пули. Ему вторит Вьюга, мечтающий перебить десяток красноармейцев: «Вот тогда поубавил бы я злобы людской, народу бы послужил и Господу» (524). Подобные герои и являются в авторской концепции подлинными новыми кудеярами.

Неугасимая лампада, светившая нетленным светом многим людям на Соловках, гаснет в этой повести Ширяева. Место любви занимает ненависть. Вместо мучеников возникают фигуры, к которым вполне применимо наименование палачей. В *Неугасимой лампаде* история Соловков была вписана в многовековую историю России, которую озаряют апокалиптические отсветы. Страницы книги были пронизаны лучами православного мировидения автора. В двух заключительных частях эпопеи *Птань* исторического фона нет вовсе. Мир этих повестей камерный, ограниченный несколькими конкретными событиями и статичными характерами. Многомерный реализм вырождается в плакат, листовку, лозунг. Прямолинейные ходы, заданность сюжетных схем проявляются и в том, как нарочито Ванька-Вьюга ведется автором к своей, пусть и героической, кончине. Ушло и христианское мирозерцание. Повествование целиком погружено в эмпирику фактов, мнений, быта. Краткий разговор Брянцева и Миши о вере никак не отражен в структуре характеров.

Последняя часть эпопеи, «Хорунжий Вакуленко», оставшаяся неоконченной, отличается еще большим схематизмом образов. Фактор идеологический становится абсолютным, а прочие – нравственные, национальные, семейные, дружеские – второстепенными. Никакой человечности не предполагается у безликих «советских», в том числе простых людей, которые пошли защищать свою Родину, какой бы суровой к ним она ни была. Односторонность, в данном случае, характеризует эту прозу в буквальном смысле

слова: все, кто по другую (от автора и персонажей) сторону фронта – «Йоськины холоуи». В этой многомиллионной массе людей, находящихся под властью большевиков, герои повествования отказываются видеть *русских*. Поставленный во главу угла антикоммунистический пафос двух последних повестей Ширяева парадоксальным образом сближает их с литературой большевистской. С ее политизированностью, однолинейностью, беспощадной ненавистью к идеологическим противникам и лозунгом «если враг не сдается, его истребляют».

Однако взгляды писателя не были полностью тождественны взглядам его героев. В своих литературно-критических очерках, говоря от собственного лица, Ширяев более объективно относился и к рядовым красноармейцам, и к «подсоветской» художественной литературе о войне, находя в ней свидетельства живой души, крупницы правды:

Страшные, потрясшие всю нацию годы Второй мировой войны всколыхнули в ней прежде всего ее патриотические чувства. Не за «светлое будущее коммунизма», но за родную страну, за тысячелетнюю вековую Русь, Святую Русь, встал нерушимой стеной весь русский народ – встал и тотчас же на его устах зазвучало неразрывное с русским национальным самосознанием имя Христа, имя Милостивого Спаса. (Shiryayev, *Brillianty* 82)

Оно возникает в стихах чутких, талантливых поэтов, – Ширяев упоминает стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» с возгласами крестьян «Господь вас спаси!». Отдельный очерк Борис Ширяев посвятил поэме А. Твардовского «Василий Теркин». Создав «Книгу про бойца», Твардовский, по его мнению, исполнил давний долг русской литературы по отношению к простому солдату: талантливому поэту «удалось найти и оформить *исторический* тип русского солдата в его современном преломлении» (Shiryayev, *Brillianty* 185). Жизненность образа Теркина обусловлена тем, что черты его взяты из толщи всего российского народа, неразрывно связанного со своей армией, – «Твардовский обрабатывал эти сведения и снова погружал их в глубину народно-солдатского моря, туда, откуда они к нему приходили» (Shiryayev, *Brillianty* 307).

Итак, исследование важнейших аспектов художественного мировоззрения Ширяева позволяет прийти к выводу о том, что его «русское христианство» было противоречивым, в чем-то сближалось с евангельским верованием, в чем-то отходило от него. Важным мотивом книг и сокровенным чаянием писателя стало возрождение души русского человека, освобождение его сознания от ложных идеологем. При этом ценностная иерархия в эпопее

«Птань» меняется от одной повести к другой: христианские этические ценности уступают место политическим, идеологическим приоритетам.

Военные повести Ширияева являются свидетельством того, насколько напряженным оставалось противостояние в расколотом революцией народе, насколько беспощадной была гражданская война, развернувшаяся внутри войны мировой. Несомненна искренность писателя, имевшего мужество говорить о самых острых предметах. Повести Ширияева создавались после войны, когда ее исход был известен. Это придает его прозе особый оттенок трагической обреченности, несбыточности мечтаний и надежд героев. Утопическая идея строительства православного народного государства с помощью внешней силы пришла в столкновение с реальными обстоятельствами и подлинными целями оккупационного режима.

К драматической, полной противоречий судьбе России Борис Ширияев возвращался постоянно. Надежда на будущее духовное возрождение родины как Святой Руси не оставляла его. До конца своих дней он призывал к соборному труду по возвращению духовных зерен на ниве русской души.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеносов, Владимир Вениаминович. «Литература 'второй волны' русской эмиграции.» *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya literatura. Referativnyi zhurnal. Seriya 7. Literaturovedenie*, no. 4, 1996, ss. 136-154 [Агеносов, Владимир Вениаминович. «Литература 'второй волны' русской эмиграции.» *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение*, no. 4, 1996, сс. 136-154].
- Grigor'ev, Igor' Nikolaevich. *Pered Rossiei. Stikhi i proza*. Sam Poligrafist, 2014 [Григорьев, Игорь Николаевич. *Перед Россией. Стихи и проза*. Сам Полиграфист, 2014].
- Mel'nik, Vladimir Ivanovich. «Поэма Н. А. Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" в ракурсе христианской проблематики.» [Мельник, Владимир Иванович. «Поэма Н.А. Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" в ракурсе христианской проблематики.», portal-slovo.ru/philology/37131.php?element_id=37131. Доступ 26.08.2021.
- Shiryayev, Boris Nikolaevich. *Brillianty i bul'zhniki: stat'i o russkoi literature*, red. A.G. Vlasenko, M.G. Talalai. Aleteiya, 2016 [Ширияев, Борис Николаевич. *Бриллианты и булжники: статьи о русской литературе*, ред. А.Г. Власенко, М.Г. Талалай. Алетея, 2016].
- Shiryayev, Boris Nikolaevich. *Kudeyarov dub: Povesti i rasskazy*, red. M.G. Talalay; sost. A.G. Vlasenko, M.G. Talalay. ООО «Poligraf», 2016 [Ширияев, Борис Николаевич. *Кудеяров дуб: Повести и рассказы*, ред. М.Г. Талалай; сост. А.Г. Власенко, М.Г. Талалай. ООО «Полиграф», 2016].
- Shiryayev, Boris Nikolayevich. *Neugasimaya lampada*. Stolitsa, 1991 [Ширияев, Борис Николаевич. *Неугасимая лампада*. Столица, 1991].

Silova, Svetlana Vladimirovna. *Pravoslavnaya tserkov' v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)*. GrGU, 2003 [Силова, Светлана Владимировна. *Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)*. ГрГУ, 2003].

ЗВЕЗДА, СВАСТИКА, КРЕСТ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ
В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ БОРИСА ШИРЯЕВА

Резюме

Рассматриваются нравственные коллизии повестей писателя русского зарубежья Бориса Ширяева (1889-1959) *Овечья лужа* и *Кудеяров дуб*, посвященных жизни народа на оккупированной нацистами территории. Цель работы – исследовать конфликт между христианской моралью, патриотизмом и тоталитарным государством. Узловые сюжетные линии своих книг прозаик связывает с болевыми точками истории: коллаборационизм, партизанское движение, подпольные советские и антибольшевистские организации. Творчество Ширяева может служить исторической иллюстрацией того, как противостояние в расколотою революцией народе вылилось в беспощадную гражданскую войну, развернувшуюся внутри войны мировой. Исследуются также аспекты художественного мировоззрения Ширяева, показаны точки соприкосновения и отталкивания его «русского христианства» и евангельского вероучения. Проанализирован важный для автора мотив «святой мести» и его связь с фольклорной легендой о Кудеяре.

Ключевые слова: Борис Ширяев; военная проза; этика христианства; нацистская оккупация; коллизия нравственного выбора.

GWIAZDA, SWASTYKA, KRZYŻ:
KOLIZJE IDEOLOGICZNE I ETYCZNE
W WOJENNEJ PROZIE BORISA SZYRIAJEWA

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony ideologicznym i moralnym kolizjom w powieściach rosyjskiego pisarza emigranta Borysa Szyriajewa (1889-1959), a konkretnie w tekstach *Овечья лужа* (*Owczja sadzawka*) i *Кудеяров дуб* (*Kudejarowy dąb*), które są poświęcone życiu ludzi na terenach okupowanych przez hitlerowców. Celem tej pracy jest wyjaśnienie konfliktu między moralnością chrześcijańską, patriotyzmem a państwem totalitarnym. Kluczowe wątki obu powieści nawiązują do bolesnych aspektów historii: kolaboracji, ruchu partyzanckiego, podziemnych organizacji sowieckiej i antybolszewickiej. Powieści Szyriajewa ilustrują, jak konfrontacja ludzi podzielonych przez rewolucję doprowadza do wojny domowej, która rozwinęła się w czasie wojny światowej. Badane są również różne aspekty artystycznego światopoglądu Szyriajewa. Artykuł ukazuje punkty zbieżne i odstępstwa między jego „rosyjskim chrześcijaństwem” a doktryną ewangeliczną. Rozważany jest również ważny dla autora motyw „świętej zemsty” i jej związek z ludową legendą o Kudejarze.

Słowa kluczowe: Boris Szyriajew; proza wojenna; etyka chrześcijańska; okupacja hitlerowska; kolizja wyboru moralnego.

THE STAR, THE SWASTIKA AND THE CROSS:
IDEOLOGICAL AND ETHICAL COLLISIONS
IN THE WAR PROSE OF BORIS SHIRYAYEV

S u m m a r y

This article is devoted to the collisions of morals in stories by the Russian emigrant writer Boris Shiryayev (1889-1959), specifically *Sheep's Puddle* and *Kudeyar's Oak*. They are dedicated to the life of the people in those territories which were occupied by the Nazis. The purpose of this work is to clarify the conflict between Christian morality, patriotism and the totalitarian state. The key plot lines of both works are related to painful aspects of history: collaborationism, the partisan movement, the underground Soviet and anti-Bolshevik organisations. Shiryayev's works illustrate how the confrontation among people split by the Revolution resulted in a civil war that unfolded within the World War itself. Various aspects of Shiryayev's artistic worldview are also investigated. The article shows the points of coincidence and deviation between his "Russian Christianity" and the Gospel doctrine. The motive of "holy revenge" and its connection with the folk legend of Kudeyar is also considered.

Keywords: Boris Shiryayev; war prose; ethics of Christianity; Nazi occupation; collision of moral choice.